

"Сяо Чун... Ву Чун!"

То, что Очкарик выкрикнул в сторону куклы маленькой девочки, шокировало всех остальных.

Спорщик спросил: "Что? Ву Чун? Она? Разве это не кукла?"

Хвостик почти сразу же все поняла и повернулась к Ву Шену, крича в ужасе: "Ты превратил свою дочь в куклу?!".

Ву Шен перестал идти к ним и просто стоял там со злобной, жуткой улыбкой. То, что он говорил, еще более странно: "Ты боишься? Но... папа исполняет желание Сяо Чун".

Хвостик сердито ответила: "Как Сяо Чун могла пожелать, чтобы ее превратили в куклу?!".

Ву Шен посмеялся над этим замечанием, а затем мрачно продолжил: "А что еще я могу сделать? Я могу только делать кукол. Папа такой бесполезный... Увуву, как сказала твоя мама той ночью. Папа такой бесполезный. Сяо Чун, папа такой бесполезный...".

Затем он начал плакать.

Гнев Хвостика медленно превратился в беспокойство и страх. Она хотела спросить, почему. Почему Ву Шен закончил так? Неужели его любовь к жене и дочери, о которой говорилось в дневнике, была ненастоящей? Как он стал таким жестоким и извращенным?

Она вспомнила письма, которые жена Ву Шена писала ему. Она говорила, что он безумен.

И... Она отчитала Ву Шена за бесполезность?

Может ли это быть тем, что владелец книжного магазина услышал в ту ночь? В ту ночь, когда Ву Чун плакала, а жена кого-то ругала? И все же Ву Шен сказал владельцу книжного магазина, что Ву Чун действовала жене на нервы, и она сорвалась.

... Но, вполне возможно, что она плакала, потому что ее родители ссорились.

Если это правда, то Ву Шен совершенно не заслуживает доверия.

Коридор был очень длинным, и как бы ни дрожали ноги девочки-куклы, она уже была рядом с миссионерами.

Но вместо того, чтобы напасть на них, она посмотрела на Ву Шена и позвала его с легкой тревогой: "Папа...".

Лицо Ву Шена застыло в его искаженном, нечитаемом выражении. Его внимание как будто рассеялось, когда он повернул голову в сторону куклы.

И вдруг внешний вид кукольного магазина снова изменился, вернувшись к своей некогда первозданной славе. Комната Ву Чун по-прежнему оставалась чистой, опрятной комнатой принцессы.

Тем не менее, и миссионеры, и зрители в потоке испытывали странные чувства, видя эту сцену.

Именно в этот день Ву Чун постигло несчастье.

С этого дня эта обычная маленькая семья, с ее случайными ссорами, с ее миловидностью, полностью распалась. Жена хозяина больше ходила в обход, чтобы купить закуски для своей дочери. Ву Шен больше не записывал в дневник банальные, тривиальные будни своей семьи.

Все изменилось.

Остались только Ву Чун, кукла, помещенная в витрину в магазине, и Ву Шен, который погряз в безнадежности и страхе, на втором этаже.

... Ву Шен.

Почему он так поступил?

Он сошел с ума? Если нет, то как он мог поступить так жестоко со своей дочерью?

В тот момент, когда сцена того дня, когда пропала Ву Чун, ожила, кукла маленькой девочки и Ву Шен, на этот раз оба исчезли. Трио вышло в коридор, чтобы увидеть Ву Шена, остановившегося на лестнице.

Хвостик оценила внешний вид Ву Шена и его нынешнюю позу и сделала вывод: "Вот где оборвалось воспоминание".

Очкарик сказал, нахмурившись: "Значит, все так, как ты сказала, другая личность Ву Шена убила Ву Чун? И воспоминание прервалось, потому что основная личность Ву Шена на самом деле ничего не знала?"

Хвостик кивнула, "это вполне возможно", - подумала она, прежде чем добавить, - "и также возможно, что основная личность была в курсе и знала, что происходит, но травма заставила эту личность полностью забыть".

"Логично".

Затем они прекратили разговор и последовали за Ву Шеном вниз по лестнице.

Сейчас у Ву Шена очень странное выражение лица. В отличие от любящего и заботливого отца, сейчас у него жуткая улыбка. Когда он спускался по лестнице, его суставы казались ужасно жесткими; он прыгал по лестнице с жестко выпрямленными ногами.

Он выглядел совсем как настоящая кукла - за то время, что он делал кукол, он постепенно превратился в куклу.

Миссионеры последовали за ним и, наконец, сами увидели маленькую девочку.

С милыми щечками, напоминающими маленькое яблоко, с двумя хвостиками, Ву Чун лежала на прилавке и смотрела на куклу, стоящую в витрине.

Это кукла в красном платье. Она похожа на принцессу. Несмотря на пластиковые конечности и черты лица, она прекрасна.

Ву Шен проследил за ее взглядом и, посмотрев на нее некоторое время, вдруг спросил: "Сяо Чун... тебе нравится эта кукла?".

Ву Чун решительно кивнула, и с широкой улыбкой на лице сказала: "Папа потрясающий! Я обожаю кукол, которых делает папа!".

"Папа сделал эту куклу по образу и подобию Сяо Чун", - сказал Ву Шен, его тон стал неприятным, - "Сяо Чун, если она тебе нравится, хочешь, чтобы папа сделал еще одну куклу специально для Сяо Чун?".

"Ура! Папа, я хочу самую совершенную..." Ву Чун радостно сказала: "Куклу в мире!".

Ву Шен заметно вздрогнул.

Ву Чун продолжила: "Я вижу, что папа часто делает кукол, но все они предназначены для других людей. Так что если папа подарит Сяо Чун куклу, то я хочу самую совершенную куклу в мире!".

"Самую совершенную... куклу?" Ву Шен наклонил голову и с тревожной улыбкой сказал: "Конечно. Это папино обещание".

Маленькая девочка мило улыбнулась и сказала: "Папа самый лучший!".

Затем Ву Шен медленно подошел к Ву Чун.

Три миссионера попытались остановить Ву Шена, но поняли, что не могут повлиять на него.

Все зрители в потоке торопливо печатали: "Господи Иисусе! Не улыбайся! Беги!!!".

Ву Шен, воркуя с Ву Чун, держал ее за маленькую ручку, пока вел ее в мастерскую на втором этаже.

Он превратит свою дочь в самую совершенную куклу в мире.

Трое миссионеров в ужасе смотрели друг на друга. Все они знали, что должны подняться наверх, чтобы следить за процессом, зная, что там могут быть какие-то намеки или подсказки для истинного конца, но... Они не хотели этого делать.

Поток затих.

Никто не стал просить Сюй Бэйцзина переместить источник видео.

Милая, живая девочка превратилась в жесткую куклу с застывшим лицом.

Они не знали, как Ву Шен это сделал; они не знали, какие безумные мысли должны были заставить Ву Шена сделать это. От одного только представления этой сцены у них волосы встали дыбом. Это должно было быть ужасающе жестоко, но Ву Шен даже смог показать, как сильно он любил и скучал по Ву Чун...

Невозможно сопереживать психически ненормальным людям.

Спустя некоторое время настроение в потоке немного улучшилось.

"Почему игроки стоят без дела?"

"Я бы повел себя также, а они, вероятно, не могут уйти, пока не закончится воспоминание..."

"Тем не менее, здесь много информации, они могут получить истинный конец достаточно скоро!"

"Но подожди... Ведущий, мне кажется, что другие игроки уже почти закончили, а ты все еще бездельничаешь в книжном магазине..."

"Ведущий действительно тот игрок, который выигрывает, ничего не делая".

Сюй Бэйцзин наконец собрался с духом, чтобы показать им смущенную улыбку.

Затем он посмотрел на поток и увидел, что Линь Цинь все еще болтается на заброшенной улице. Остальные игроки находились внутри воспоминания.

Разве может быть лучшее время для ухода, чем сейчас?

Сюй Бэйцзин немедленно встал и переключил основной вид на себя, убрав сцену воспоминания в угол. Затем он обратился к зрителям: "Тогда... может, прогуляемся?".

Поток наполнился одобрительными возгласами.

Кроме детектива Далао, который все еще был сосредоточен на прогрессе трех миссионеров, остальные зрители уже отвлеклись.

Они говорили о том, куда Сюй Бэйцзин должен пойти в первую очередь.

"Сначала в спальню! За дневником!"

"Эй-эй, а как насчет писем в кабинете?"

"По крайней мере, никто не будет рыться в мусоре в мастерской".

"Лол, эти сцены все равно все исследованы, давайте искать новые подсказки!"

"Новые подсказки? Все комнаты в магазине исследованы, верно?"

"Это верно для второго этажа... Но не для первого".

"А? О черт, Далао, ты сразу заметил то, что я пропустил"

"... Да, они каждый раз бежали на второй этаж, мы не знаем, что есть на первом этаже"

"там же Ву Чун, да?"

"... Честно говоря, я до сих пор не могу поверить, что Ву Чун превратилась в куклу..."

"Бу Шен убил свою дочь и превратил ее в куклу... но почему? Он был безумен?"

"Да. У него раздвоение личности"

"Но мне все равно противно".

"Возможно, это просто игра... Но когда я вспоминаю ту фотографию в газете и представляю, как ее убивает отец... Мне становится грустно".

"Вздых..."

Поток снова стал мрачным, как и каждый раз, когда они упоминали Ву Чун. Это игра, но очень увлекательная.

Сюй Бэйцзинь тоже не умел поддерживать настроение, его коммуникативных навыков не хватало. Он мог только вздыхать вместе с ними.

Однако он не мог не задаваться вопросом, действительно ли кошмары в башне - всего лишь "игры"?

Он не осмеливался задумываться об этом.

Ему повезло, что он не встретил Линь Циня на улице. Вскоре он оказался в кукольном магазине.

И в потоке начали комментировать: "Как думаешь, насколько сильно воняет труп Ву Чун после ее смерти?".

Критическое попадание.

Сюй Бэйцзинь попытался сделать глубокий вдох - и тут же закашлялся из-за гнилого воздуха.

Он начал исследовать первый этаж.

Повсюду навалены горы коробок и кукол. Ориентироваться трудно.

Вся южная стена - это стеклянная дверь и витрина. В северо-восточном углу находится место, которое миссионеры расчистили для прохода на второй этаж, а в северо-западном углу - сам прилавок.

Сюй Бэйцзин прокрутил в голове план этажа, а затем пошел к прилавку.

В воспоминаниях Ву Шена, именно здесь сидела Ву Чун. Похоже, отсюда она наблюдала за магазином.

Вокруг прилавка навалено множество коробок и кукол. Возможно, когда-то эти коробки использовались для упаковки кукол, но сейчас большинство из них сломаны или изношены. Все куклы выглядели испачканными.

Эти куклы не нападали на Сюй Бэйцзина. Возможно, потому что он всего лишь актер. Возможно, потому что это безопасный период между волнами погони за куклами.

Он переставил коробки и кукол и обошел прилавок. Он окинул его взглядом и открыл единственный выдвижной ящик. Затем его взгляд остановился на письме, лежащем внутри.

Все зрители в потоке праздновали.

"Отлично, ведущий! Теперь у тебя есть подсказка!"

"Вау? Как ты нашел это так быстро!"

"Я подумал, что на первом этаже может быть что-то, что все пропустили, так это письмо! Ведущий, быстро, загляни внутрь и посмотри, что там написано!"

"Как-то странно называть его ведущим..."

"Мы должны дать ему прозвище!"

"Нас всего четверо, плюс ведущий, это действительно похоже на семейный поток".

"Сюй Бэйцзин... давайте называть его Бэйбэй! Я не возражаю!"

Сюй Бэйцзин "..."

Вздыхнув, он сказал: "Я не возражаю. Можете называть меня как хотите".

Шквал комментариев тут же обрушился на "Бэйбэя".

Только Сюй Бэйцзин и детектив Далао все еще были сосредоточены на этом доселе невиданном письме.

Он осмотрел конверт. Судя по имени отправителя, это она. Возможно, это имя жены владельца? Это может быть письмо от нее к Ву Шену.

Рядом с ее именем есть адрес отправителя. В кошмаре это недоступно, но, по крайней мере, это должно означать, что с самой женой все в порядке. Она переехала только после развода с Ву Шеном.

Сюй Бэйцзин вскрыл конверт и проверил содержимое письма.

"[...]

Ты обвинил меня в том, что я не забочусь о Сяо Чун? Если бы она знала, что после того, как она пропала, ее папа все еще одержим куклами, которые он еще не закончил, интересно, как ей было бы грустно!

Когда было интервью для прессы, ты даже ходил с этой куклой, говоря что-то вроде "Сяо Чун будет рядом со мной всегда". После этого ты даже переехал в комнату Сяо Чун, говоря, что она никогда не уходила и всегда рядом с тобой [...] Ты действительно болен, Ву Шен. Ты сошел с ума.

Мы очень любили друг друга, поэтому я все еще хочу сказать тебе и спросить: если Сяо Чун действительно не вернется, ты будешь продолжать жить так? Провести всю свою жизнь со своими куклами? [...]

Ты можешь подумать, что я бессердечная. Ты можешь обвинить меня в том, что я не забочусь о Сяо Чун [...] Моя дочь! Я хотела бы, я чертовски хотела бы, чтобы это была я [...] Я все еще сохраняю надежду, каким бы маленьким проблеском она ни была. Я все еще мечтаю - фантазирую о том дне, когда Сяо Чун вернется, но [...]

Ву Шен, наша дочь, действительно может быть в другом, более счастливом месте.

Называй это материнским инстинктом или как угодно. Я чувствую, что с ней действительно что-то случилось. Ты не веришь мне, никто не верит. Все думают, что я не люблю Сяо Чун. Все думают, что я говорю так, потому что ненавижу свою дочь.

Конечно, нет. Сяо Чун... Я чувствовала это. Что-то действительно... действительно случилось с Сяо Чун!

Она была так молода [...] всего шесть лет. Когда она родилась, ее маленькое тело было таким маленьким. Она прижималась к моему боку [...]

[...]"

Сюй Бэйцзин увлеченно читал содержание письма вместе со зрителями в потоке.

Вдруг откуда ни возьмись появилась рука и выхватила письмо прямо у него из рук!

<http://bllate.org/book/16079/1438201>